



Императив первый

Крайне не рекомендуется приближаться к распутнику, не пронаблюдав за ним изначально с определенного расстояния, на котором его распутное очарование не сможет оказать сокрушительного воздействия на деликатную чувствительность леди.

Сводящий с ума жар горелки воздушного шара заставлял пот струиться и щекотать Мередит Мерриуэзер под туго затянутым корсетом. И все же она уверенно держала подзорную трубу, сосредоточившись исключительно на безупречно одетом джентльмене, который прогуливался по берегу беспокойного озера Серпентин — футах в сорока под ними.

— О, черт побери, разве вы не можете опустить корзину немного ниже?

— Я посмотрю, что можно сделать, мисс Мерриуэзер, но обещать ничего не могу, — протянул ирландец, и Мередит была уверена, что с этими словами он покосился на нее и закатил глаза.

Ее внимание привлекло какое-то движение, и пришлось резко вскинуть подзорную трубу, чтобы понаблюдать за темноволосой женщиной, которая приближалась с севера.

— Давай же, Жизель, — шепотом подстегнула ее Мередит, — используй свои чары.

Мередит, затаив дыхание, ждала. Мужчина наверняка не сможет сопротивляться ни красоте французской куртизанки, ни соблазнительному покачиванию ее бедер. Ни один мужчина не мог устоять перед ней. Походка Жизель уже не раз была опробована. И идеальна.

Огромная тень, похожая на перевернутую луковицу, накрыла джентльмена, когда воздушный шар прошел между ним и утренним солнцем. Он повернулся и, приложив ладонь козырьком к глазам, взглянул вверх — рассмотреть массивный силуэт.

Мередит немного напряглась, но тут же расслабилась. Даже если он увидел ее, рассудила она, бояться нечего. Прогулки на воздушных шарах были распространенным развлечением Гайд-парка в эти дни, и огромная летающая сфера являла собой зрелище пусть и примечательное, но определенно не вызывающее подозрений.

Она вновь направила подзорную трубу на Жизель.

— *O нет!* — Ну почему она уводит его к деревьям? Мередит опустила подзорную трубу. Разве она не велела Жизель оставаться на тропинке — *на виду?*

Мередит резко мотнула головой, надеясь, что пилот воздушного шара поймет всю экстренность ситуации.

— Мы потеряем их из виду! Опустите нас ниже, *пожалуйста.*

В ответ морщинистый пилот уставился на нее своим странным, неподвижным взглядом, похожим на взгляд насекомого. Ну почему он не делает того, что она просит? В конце концов, она же заплатила ему вчетверо больше обычной цены полета!

— Прошу прощения, мадам. — Он бросил нервный взгляд за потрепанный край плетеной корзины шара. —

Но еще пара футов, и мы с вами будем сидеть на верхушке дуба или того хуже. Насколько сильно ваше желание подглядывать за тем парнем? Стоит ли оно падения сквозь густые ветви?

Мерedit ахнула от такой дерзости:

— Да как вы смеете обвинять меня в подглядывании?! Я провожу научный эксперимент, который из-за вас, любезный, оказался на грани катастрофы.

Заглянув за край корзины, она оценила расстояние до листвы и колышущихся веток под ними, затем повернулась и сурово уставилась на дерзкого пилота:

— Под нами еще как минимум шесть футов. Опустите нас на три, *пожалуйста*.

Смирившись и покачав головой в туго натянутом на нее колпаке, пилот махнул рукой своему напарнику на земле, который удерживал канат и шурился вверх, и показал ему три своих узловатых пальца.

Корзина дернулась, и Мерedit сильно ударилась бедром о ее бок.

— Благодарю, — сердито выдавила она, бросая предупреждающий взгляд на пилота, который усердно пытался спрятать веселую улыбку.

Чуть шире расставив ноги для равновесия, Мерedit вжалась пульсирующим от боли бедром в самый угол корзины и таким образом оказалась как никогда близко к самому известному лондонскому распутнику. Пусть даже это «близко» включало в себя полет над верхушками деревьев, Мерedit все равно стало не по себе. Красная сыпь крапивницы уже проступала на ее груди, а руки, которые она подняла, чтобы нервно почесаться, оказались влажными.

Ее сердце и репутация два года назад были разбиты человеком той же породы, поэтому Мерedit в подроб-

ностях знала, какого рода ущерб может нанести Александр Ламонт и ему подобные.

Она оперлась локтями о валик, окаймлявший корзину, и приникла к подзорной трубе, отслеживая идеально сложенную мужскую фигуру.

Слово чести, даже с такой высоты притягательность распутника была ей очевидна. Его волевой красиво очерченный подбородок был слегка золотистым от загара. Он, несомненно, был выше среднего роста. Широкие плечи, узкая талия и... *о боже*. С трудом сглотнув, Мередит поспешно опустила окуляр ниже, так чтобы видеть лишь его бедра, его восхитительно мускулистые бедра и ничего иного. Она, без сомнения, не могла не признать, что он представлял собой безупречный образец человеческого самца.

И все же, если верить болтовне в чайных комнатах — а когда ей не верили? — он также был идеальным образцом распутника... самого худшего сорта. Его имя связывали с сотнями девушек — от леди из высшего общества до театральных хористок. Но не это, однако, делало его самым знаменитым распутником. Свой своеобразный титул он получил, будучи пойманным в постели с женой крайне уважаемого министра Палаты общин.

И Мередит ни на секунду не позволяла себе поверить (как, похоже, верили все остальные) в то, что Александр, безнравственный лорд Лэнсинг, полностью изменился.

Это было невозможно. И Мередит докажет это, наблюдая за тем, как Жизель раскрывает *истинную* природу этого повесы.

О Луд¹, теперь Жизель ведет его к скамье под раскидистым дубом!

¹ Луд — мифологический король, который обнес стенами город, впоследствии ставший Лондоном. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— *Пожалуйста*, еще немного ниже, — взмолилась Мередит, глядя на пилота.

Он мрачно покачал головой:

— Неразумное решение.

Рычание вырвалось из сжатых уст Мередит, когда она присела на пол корзины, чтобы достать из ридикюля последние четыре золотые монеты. Поднявшись, она расправила плечи и предложила:

— По гинее за каждый фут, на который вы сможете опустить эту штуквину.

Пилот медлил почти целую минуту, но по залатанному состоянию корзины и тому, как он облизывал свои обветренные губы, было очевидно, что вкус денег он уже вполне ощутил.

Большим пальцем Мередит начала перемешивать монеты на ладони, заставляя их непрестанно звенеть.

— Ну хорошо. Четыре фута! — крикнул пилот помощнику на земле. — И ни на палец ниже.

Словно услышав инструкции пилота, Александр Ламонт поднял взгляд на огромный шар, который теперь парил всего лишь в тридцати футах над землей.

Мередит быстро спрятала в корзину подзорную трубу и уставилась на озеро Серпентин, словно ее внимание полностью занимали водоплавающие птицы, покачивавшиеся на блестящей водной глади. И внезапно ощутила ужасающий скрежет под ногами.

Корзина опускалась прямо сквозь верхушки деревьев! Мередит вскинула взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как алую ткань шара прокалывает высокая ветка, оставляя за собой большую прореху. Раздался оглушительный свист вырывающегося газа, корзина дернулась и начала падать. Вокруг взметнулись и сомкнулись тонкие ветви.